

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.10>

UDC 811.111'42:34
LBC 81.432.1-51

Submitted: 11.07.2019
Accepted: 25.05.2020

VERBALIZATION OF PERFORMATIVE UNITS IN ENGLISH TEXTS OF INTERNATIONAL CONVENTIONS: MORPHOLOGICAL ASPECT

Milana E. Mosesova

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Tatyana A. Shiryaeva

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Abstract. The article presents the results of a study devoted to the analysis of the morphological features of the texts of international conventions operating within the English legal discourse. Close attention is paid to the characteristics of the main language means by which the aspect of performativity is actualized in legal context. The texts of international conventions relating to various special areas of the life of society comprise the material of the study. The analysis of empirical material has enabled the authors to identify the most frequent models of performative units in the texts of international conventions: 1) constructions with modal verbs; 2) constructions with infinitives; 3) adjectives / adverbs; 4) pronouns / prepositions (with semantics of default). The designated performative models are functionally aimed at the actualization of prohibition and prescription of certain actions. In addition, the authors describe the parts of speech classification of key linguistic units verbalizing the meaning of performativity in the analyzed legal documents. The database of performative units developed in the course of the study is of great importance. It contains 250 items, its fragment is presented in the article. The study can become the basis for further analysis of performative units in the context of their structural-semantic, lexical, grammatical features, as well as in lexicographical practice in compiling a bilingual legal dictionary, which includes, along with the actual legal terms, the professional vocabulary commonly used by communicants in legal sphere.

Key words: performative units, morphological characteristics, data base, international convention, law, legal discourse, English language.

Citation. Mosesova M.E., Shiryaeva T.A. Verbalization of Performative Units in English Texts of International Conventions: Morphological Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 5, pp. 110-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.10>

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Милана Эдуардовна Мосесова

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Татьяна Александровна Ширяева

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу лексико-морфологических особенностей текстов международных конвенций, функционирующих в англоязычном юридическом дискурсе. Пристальное внимание уделяется характеристике основных языковых средств, с помощью которых в юридическом контексте актуализируется перформативность. В качестве материала исследования выступают тексты международных конвенций, касающиеся различных специальных областей жизнедеятельности социума. Опираясь на анализ эмпирического материала, авторы выделяют наиболее частотные средства выражения перформативности в текстах международных конвенций, среди них: 1) конструкции с модальными глаголами; 2) конструкции с инфинитивами; 3) прилагательные / наречия; 4) местоимения / предлоги (с отрицательной семантикой). Обозначенные перформативные средства функционально нацелены на актуализацию запрета и предписания тех или иных действий. Авторами описана частеречная классификация ключевых вербализаторов значения перформативности в анализируемых правовых документах. Создана база данных, насчитывающая 250 наименований перформативных единиц; фрагмент базы данных представлен в статье. Материал и результаты исследования могут стать основой для дальнейшего анализа перформативных единиц в аспекте их структурно-семантических, лексических, грамматических особенностей, а также использоваться в лексикографической практике при составлении билингвального юридического словаря, включающего, наряду с собственно терминами области права, корпус профессиональной лексики, часто используемой коммуникантами в сфере юриспруденции.

Ключевые слова: перформативные единицы, морфологические характеристики, база данных, международная конвенция, право, юридический дискурс, английский язык.

Цитирование. Мосесова М. Э., Ширяева Т. А. Вербализация перформативных единиц в англоязычных текстах международных конвенций: морфологический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2020. – Т. 19, № 5. – С. 110–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.5.10>

Введение

На современном этапе развития научной мысли наблюдается рост исследовательского интереса к понятию «дискурс». В силу востребованности данного понятия в науке, создается иллюзия, что описание его природы, сущностных характеристик и языкового воплощения является исчерпывающим. Однако и по сей день феномен дискурса порождает множество дискуссионных вопросов.

В рамках настоящей статьи наше внимание сосредоточено на юридическом дискурсе, в отношении которого исследователи

не выработали единой позиции, хотя право выступает мощным рычагом регулирования ключевых областей жизнедеятельности человека [Керимов, 2003; Харт, 2017], имеет широкий спектр направлений и форм реализации.

Следует отметить, что юридический дискурс неоднократно попадал в фокус внимания лингвистов (см., в частности: [Абишева, Никитина, 2004; Губаева, 2015; Кожемякин, 2011; Колесникова, 2007; Палашевская, 2012; Попова, 2005; Черданцев, 2012; Kurzon, 1994; Mattila, 2013; Mey, 2017; Morawski, 1999; Tiersma, 1999; и др.]). Тем не менее большая часть работ, посвященных языку права, ориентирована на

стилистические особенности юридической коммуникации, специфику перевода и интерпретации юридического текста, что, безусловно, не отражает всей уникальности дискурса сферы права.

Обобщая результаты имеющихся исследований языка права, можно выделить наиболее проблемные, на наш взгляд, зоны. Во-первых, мнения ученых разнятся при описании природы юридического дискурса, поскольку одни подчеркивают его институциональный характер [Карасик, 2002; Косоногова, 2015; Палашевская, 2017; Ширяева, 2010; Cheng, Danesi, 2019; Tans, 2018; и др.], а другие говорят о персональности дискурса права [Крапивкина, 2012]. Мы, вслед за О.В. Косоноговой, рассматриваем юридический дискурс как «особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих различные формы общения, в которых субъект / объект, адресат / адресант речи (или одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции» [Косоногова, 2008, с. 189]. Во-вторых, проблемную зону в поле юридического дискурса формирует наличие целого ряда субдискурсов (судебного, законотворческого, законоприменительного и т. д.), о чем неоднократно упоминали ведущие отечественные и зарубежные исследователи [Litvishko, Miletova, 2018; Hu Pi-Chan, 2018]. В-третьих, ученые по-прежнему не выработали единого мнения и универсальных критериев жанровой классификации текстов сферы юридической коммуникации.

Результаты изучения юридического дискурса недостаточно обобщены и систематизированы, соответственно, требуют количественной обработки. Данное исследование призвано решить задачу идентификации, интерпретации и исчисления языковых средств, участвующих в реализации значения перформативности в правовых документах на английском языке, оно также нацелено на создание корпуса единиц, оформленного в виде базы данных, содержащей перформативные конструкции, зафиксированные в конкретных юридических документах и представляющие собой средства выражения перформативности.

Методология и материал исследования

В качестве методологической базы исследования выступают фундаментальные идеи юридической лингвистики, корпусной лингвистики, лексикология, морфология, стилистики, теории и практики перевода, а также методы, используемые в указанных областях лингвистики: контент-анализ и жанровый анализ (при отборе материала), семантический компонентный анализ (при определении частеречных средств репрезентации перформативности), описательный метод (при интерпретации результатов и характеристики явления перформативности в текстах конвенций) и др. Применение перечисленных методов способствует идентификации, интерпретации и исчислению наиболее частотных средств выражения перформативности, зафиксированных в англоязычных правовых документах.

С помощью метода произвольной выборки для каждого этапа исследования был определен фактический материал. Первый и второй этапы строятся на анализе текстов 5 международных конвенций, затрагивающих актуальные для всего мирового сообщества проблемы. К конвенциям подобного рода мы отнесли следующие: The International Drug Control Conventions; UN Convention Against Corruption; Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction; International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism; United Nations Convention Against Transnational Organized Crime.

На третьем, заключительном этапе с применением метода сплошной выборки был отобран материал для анализа, охватывающий тексты 50 конвенций различной тематики (общий объем анализируемых фактов – 149 380 слов), и сформирован корпус лексических единиц, включенных в базу данных перформативных конструкций, используемых в англоязычных текстах международных конвенций.

Помимо этого, все полученные в ходе исследования данные подверглись классификации посредством статистического метода, позволяющего выделить и описать языковые закономерности вербализации феномена перформативности в рамках англоязычного юридического дискурса.

Результаты и обсуждение

Анализ фактического материала производится в несколько этапов, коррелирующих с этапами, описанными выше.

На первом этапе методом произвольной выборки был определен фактический материал, представляющий собой 5 англоязычных текстов международных конвенций (см. раздел «Методология и материал исследования»).

Поскольку в сферу наших научных интересов входит изучение специфики вербализации феномена перформативности, под которой мы понимаем способность того или иного языкового средства сочетать в себе свойства высказываний и действий одновременно, нами был сформирован корпус из 250 перформативных единиц (далее – ПЕ) с учетом их функционального потенциала. Так, было установлено, что в англоязычных текстах международных конвенций перформативные конструкции служат для реализации в контексте предписаний и/или запретов. Количественная реализация указанных функций представлена в виде диаграммы (рис. 1).

Приведем примеры реализации предписаний и запретов:

Предписание

(1) Each State Party undertakes *to destroy chemical weapons it owns or possesses, or that are located in any place under its jurisdiction or control, in accordance with the provisions of this Convention.*

Each State Party undertakes *to destroy all chemical weapons it abandoned on the territory of*

another State Party (здесь и далее в примерах курсив наш. – М. М., Т. III.), *in accordance with the provisions of this Convention (Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction).*

В примере (1) утверждается, что каждая сторона, подписавшая данную конвенцию, согласно имеющимся положениям, должна предпринять все усилия для уничтожения химического оружия. В анализируемом фрагменте конвенции предписание эксплицитно вербализовано и сводится к требованию ликвидации всего арсенала химического оружия. На лексическом уровне функциональная установка «предписания» актуализируется с помощью инфинитива *to destroy*, поскольку, с одной стороны, осуществляется номинация конкретного действия, с другой – ожидается фактическое выполнение указанного действия.

Запрет

(2) Each State Party to this Convention *undertakes never under any circumstances:*

(a) *To develop, produce, otherwise acquire, stockpile or retain chemical weapons, or transfer, directly or indirectly, chemical weapons to anyone;*

(b) *To use chemical weapons;*

(c) *To engage in any military preparations to use chemical weapons;*

(d) *To assist, encourage or induce, in any way, anyone to engage in any activity prohibited to a State Party under this Convention (Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction).*

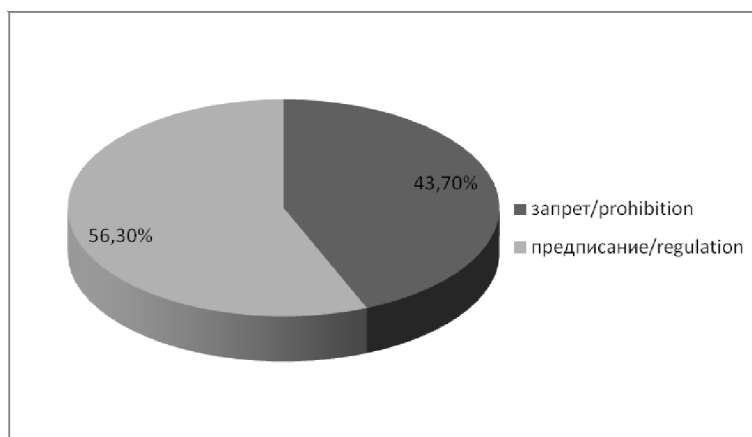

Рис. 1. Функциональная дистрибуция ПЕ в текстах международных конвенций

Fig. 1. Functional distribution of performative units in the texts of international conventions

В примере (2) вербализован строгий запрет на осуществление ряда действий применительно к химическому оружию: развивать, производить, хранить перевозить, использовать и др. Все указанные действия названы инфинитивными формами (*to develop, produce, to use* и др.). Однако непосредственно запрет, на наш взгляд, реализуется при помощи употребления наречия и местоимения со значением отрицания (*never under any circumstances / никогда, ни при каких обстоятельствах*).

На втором этапе исследования весь имеющийся арсенал перформативных единиц, полученный методом сплошной выборки из англоязычных текстов международных конвенций, был систематизирован и классифицирован на модели, исходя из морфологических особенностей лексических единиц, участвующих в выражении перформативности. Отметим, что мы значительно расширили спектр языковых механизмов единиц, актуализирующих перформативность в англоязычных правовых документах, выделив следующие:

- конструкции «*shall (may) + глагол*»;
- инфинитивные конструкции;
- прилагательные и наречия, относящиеся по семантическому и функциональному признаку к разряду определительных слов (*each, every*) и интенсификаторов (*fully* и др.);

– местоимения и предлоги, выражающие отрицание. Графически дистрибуция конструкций перформативных единиц в текстах англоязычных международных конвенций представлена в виде диаграммы (рис. 2).

Обратимся к примерам употребления каждой обозначенной модели в анализируемых правовых документах.

(3) States Parties *shall consider* implementing feasible measures *to detect and monitor the movement of cash* and appropriate negotiable instruments across their borders, subject to safeguards *to ensure proper use of information* and *without impeding in any way* the movement of legitimate capital. Such measures *may include* a requirement that individuals and businesses report the cross-border transfer of substantial quantities of cash and appropriate negotiable instruments (United Nations Convention against Transnational Organized Crime).

В приведенном фрагменте говорится о необходимости выработки надлежащих мер для обнаружения и контроля потока денежных средств, об отсутствии всяческих препятствий при движении законного капитала. В данном тексте реализованы конструкция «*shall (may) + глагол*» и конструкция с местоимением, выражающим семантику отрицания. С их помощью происходит вербализация четких установок, конкретных требований и условий,

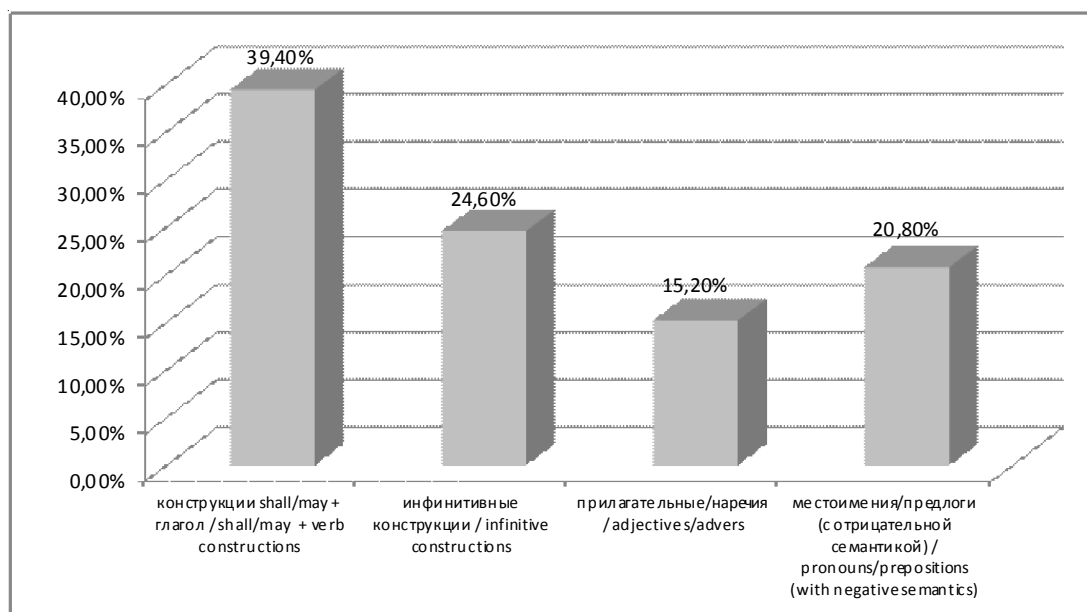

Рис. 2. Конструкции ПЕ в текстах международных конвенций
 Fig. 2. Performative units in the texts of international conventions

что в свою очередь делает контекст перформативно насыщенным.

(4) *Nothing* in this Convention entitles a State Party to undertake in the territory of another State Party the exercise of jurisdiction and performance of functions which are *exclusively* reserved for the authorities of that other State Party by its national law (International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism).

В примере (4) утверждается: ничто в настоящей Конвенции не наделяет государство-участник правом осуществлять на территории другого государства-участника юрисдикцию и функции, входящие в компетенцию властей исключительно этого другого. Местоимение *nothing*, выражающее отрицание, и наречие *exclusively* на уровне прагматики вводят четкие ограничения, придавая всему контексту категоричность и перформативность.

Подчеркнем, что представленные фрагменты международных конвенций сочетают в себе несколько средств, выражающих перформативность.

На третьем этапе исследования, целью которого явилась разработка базы данных, была значительно расширена анализируемая выборка. Выявлено 250 перформативных единиц, зафиксированных в 50 текстах международных конвенций. База данных представлена в форме таблиц (см. табл. 1–4) и включает следующие разделы: перформативная конструкция, перевод, средства выражения перфор-

мативности, индекс частотности в выборке, количество компонентов, сфера употребления. Область знания понимается нами широко – как право в целом; сфера применения сводится к конкретному случаю применения той или иной перформативной единицы в пределах конкретных правовых документов; в качестве базового критерия для определения количества компонентов выступает пробел между словами.

В таблице 1 представлены перформативные единицы с модальными глаголами, рекуррентно используемые в англоязычных текстах международных конвенций.

Таблица 2 содержит самые распространенные перформативные единицы с инфинитивами, выделенные в ходе анализа эмпирического материала.

В таблице 3 зафиксирован перечень самых употребительных перформативных единиц, вербализуемых с помощью прилагательных и наречий.

В таблице 4 указаны перформативные единицы, выраженные местоимениями и предложениями, частотные в текстах международных конвенций.

На четвертом (завершающем) этапе исследования была представлена морфологическая классификация перформативных единиц, репрезентирующая посредством конкретных частей речи ключевые вербализаторы феномена перформативности (рис. 3).

Таблица 1. Наиболее частотные перформативные конструкции с глаголами *shall / may*

Table 1. The most frequent performative constructions with verbs *shall / may*

№ п/п	Перформативная конструкция	Перевод	Средства выражения перформативности	Индекс частотности в выборке	Количество компонентов	Сфера употребления
1	<i>shall come into force</i>	вступит в силу	<i>shall</i> + глагол	1,2 %	4	International Conventions
2	<i>shall be ratified</i>	подлежит ратификации		0,8 %	3	
3	<i>shall take measures</i>	должен принять меры		1,0 %	3	
4	<i>shall have the right</i>	имеет право		0,9 %	4	
5	<i>shall enter into force</i>	вступает в силу		1,1 %	4	
6	<i>may require</i>	может потребовать	<i>may</i> + глагол	0,6 %	2	
7	<i>may reserve the right</i>	может оставить за собой право		0,5 %	4	
8	<i>may make requests for</i>	может делать запросы на		0,2 %	4	
9	<i>may be withdrawn</i>	может быть отозванным		0,5 %	3	
10	<i>may declare</i>	может объявлять		0,2 %	2	

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют авторам сформулировать следующие выводы:

1. Англоязычный юридический дискурс представляет собой особый вид институционального общения, в рамках которого находят свое практическое применение различные формы (устные / письменные) его реализации. Особый статус и уникальная природа коммуникации в области юриспруденции определяются сразу несколькими факторами: во-первых, чрезмерным влиянием и проникновением основ права во все сферы жизнедеятельности человека; во-вторых, острой необходимостью наличия

рычага регулирования различных процессов и явлений, обусловленной бурным ростом политических, экономических, социальных связей, наблюдаемых на международной арене; в-третьих, разнообразием базовых элементов области права (участники, жанры и др.), без которых невозможна полноценная коммуникация.

2. Перформативность выступает одной из существенных характеристик языка права в целом и текстов международных конвенций в частности. В анализируемых документах перформативные единицы, как правило, актуализируют *запрет* на совершение каких-либо действий и *предписание* к выполнению тех или иных действий. Обозначенные функции имеют различия в частотности реализации и

Таблица 2. Наиболее частотные перформативные конструкции с инфинитивами

Table 2. The most frequent performative constructions with infinitives

№ п/п	Перформативная конструкция	Перевод	Средства выражения перформативности	Индекс частотности в выборке	Количество компоненто в	Сфера употребления
1	to act under the provisions of	действовать в соответствии с положениями	инфинитивные формы инфинитивные конструкции	0,9 %	6	International Conventions
2	to impose effective sanctions on	наложить эффективные санкции на	инфинитивные конструкции	0,7 %	5	
3	to enter into agreements	войти в соглашения		0,5 %	4	
4	to perform the obligations	выполнять обязательства		0,9 %	4	
5	to conclude treaties on	заключать договоры о		0,4 %	4	

Таблица 3. Наиболее частотные перформативные единицы, выраженные прилагательными и наречиями

Table 3. The most frequent performative units expressed by adjectives and adverbs

№ п/п	Перформативная конструкция	Перевод	Средства выражения перформативности	Индекс частотности в выборке	Количество компоненто в	Сфера употребления
1	<i>each State Party</i>	каждое государство-участник	имена прилагательные / наречия	1,7 %	3	International Conventions
2	<i>each Member</i>	каждый Член		1,5 %	2	
3	<i>every procedure</i>	каждая процедура		0,5 %	2	
4	<i>each statement</i>	каждое утверждение		0,7 %	2	
5	<i>in each case</i>	в каждом случае		0,3 %	3	
6	<i>exclusively</i>	исключительно		0,6 %	1	
7	<i>simultaneously</i>	одновременно		0,2 %	1	
8	<i>immediately</i>	немедленно		0,3 %	1	
9	<i>freely</i>	свободно		0,2 %	1	
10	<i>equally</i>	в равной степени		0,3 %	1	

репрезентативности в масштабе выборки, что подтверждено количественными данными (46,3 % и 53,7 % соответственно).

3. В англоязычных текстах международных конвенций можно выделить следующие перформативные единицы: конструкции с модальными глаголами *shall / may*, на долю которых приходится 39,4 % от общего количества перформативов в выборке; перформативные единицы конструкции с инфинитивами

(24,6 % от общего количества примеров с перформативами в выборке); перформативные единицы, актуализируемые в контексте с помощью имен прилагательных и наречий (15,2 % от общего количества примеров с перформативами в выборке); перформативные единицы, выраженные местоимениями и предлогами, маркированными негативной семантикой (20,8 % от общего количества примеров с перформативами в выборке).

Таблица 4. Наиболее частотные перформативные единицы, выраженные местоимениями и предлогами

Table 4. The most frequent performative units expressed by pronouns and prepositions

№ п/п	Перформативная конструкция	Перевод	Средства выражения перформативности	Индекс частотности в выборке	Количество компонентов	Сфера употребления
1	<i>nothing in this Convention</i>	ничего в этой Конвенции	местоимение	0,9 %	4	International Conventions
2	<i>without delay</i>	безотлагательно	предлог	0,6 %	2	
3	<i>without right</i>	без права		0,7 %	2	
4	<i>without interference</i>	без вмешательства		0,5 %	2	
5	<i>any Contracting Party</i>	любая Договаривающаяся сторона	местоимение	1,1 %	3	
6	<i>any claims for</i>	любые претензии к		0,4 %	3	
7	<i>any obligation</i>	любое обязательство		0,5 %	2	
8	<i>with no advance notice</i>	без предварительного уведомления		0,2 %	4	
9	<i>any breach</i>	любое нарушение		0,3 %	2	
10	<i>no reservations</i>	без оговорок		0,2 %	2	

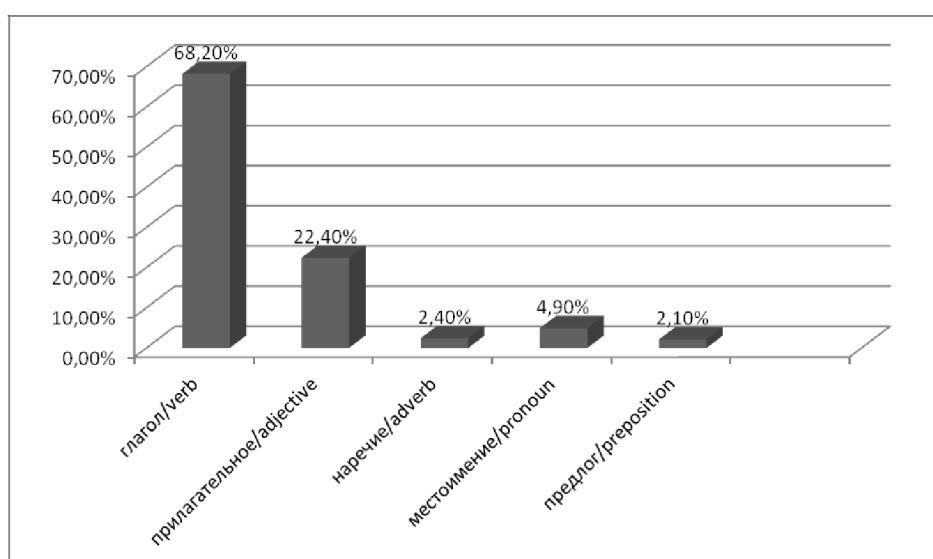

Рис. 3. Частеречная репрезентация ПЕ в текстах международных конвенций

Fig. 3. Partial representation of performative units in the texts of international conventions

4. С точки зрения морфологии главным вербализатором перформативности в англоязычных текстах международных конвенций выступает глагол. Однако, помимо глагола и глагольных конструкций, анализируемые документы маркированы наличием и иных языковых механизмов, средств, с помощью которых в контексте реализуется перформативность. К числу таких средств нами отнесены: прилагательные, наречия, местоимения, предлоги, поскольку они четко регламентируют определенные условия, необходимые для выполнения тех или иных действий и касающиеся конкретных исполнителей, сроков и т. д., тем самым устанавливая безальтернативные ограничения. Подчеркнем, что природа полученных в ходе исследования перформативных единиц, а также их частотность в англоязычных текстах международных конвенций различны: глагол – эксплицитный вербализатор перформативности; прилагательные, наречия, местоимения, предлоги – имплицитные, поскольку передают значение перформативности, которое формируется в контексте и задается им.

В рамках статьи внимание авторов было сконцентрировано на языковых средствах реализации перформативных единиц. В качестве вектора дальнейших исследований юридического дискурса рассматриваем изучение перформативности с учетом структурно-семантических, лексических, грамматических свойств языковых единиц, а также их последующую систематизацию и количественный анализ при составлении билингвального юридического словаря, включающего корпус терминологической и профессиональной лексики сферы юриспруденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абишева Н. М., Никитина С. А., 2004. Общие особенности юридического дискурса // Проблемы и перспективы. М. : Наука. 288 с.
- Губаева Т. В., 2015. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма : ИНФРА-М. 176 с.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Керимов Д. А., 2003. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М. : СГА. 521 с.
- Кожемякин Е. А., 2011. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика-11 : Право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. Кемерово : Кемер. гос. ун-т. С. 131–144.
- Колесникова Л. В., 2007. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности: на материале предметно-терминологической области «Международное частное право» : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь. 166 с.
- Косоногова О. В., 2008. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. № 3. С. 188–192.
- Косоногова О. В., 2015. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7, № 1. С. 61–65.
- Крапивкина О. А., 2012. Оппозиция «институциональное vs. персональное» в юридическом дискурсе // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики. Гуманитарные науки. № 3. С. 71–74.
- Палашевская И. В., 2012. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград : Парадигма. 346 с.
- Палашевская И. В., 2017. Юридические дефиниции: функциональные и типологические характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3. С. 131–141. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.13.
- Попова Л. Е., 2005. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар. 166 с.
- Харт Г. Л. А., 2017. Философия и язык права. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация». 384 с.
- Черданцев А. Ф., 2012. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М. : НОРМА ; ИНФРА-М. 320 с.
- Ширяева Т. А., 2010. Современное состояние и особенности осмысления понятия «дискурс» в гуманитарной парадигме // Язык. Текст. Дискурс : науч. альм. Ставропол. отд-ния РАЛК / под ред. Г. Н. Манаенко. Ставрополь : Изд-во СГПИ. Вып. 8. С. 129–140.
- Cheng L., Danesi M., 2019. Exploring Legal Discourse: A Sociosemiotic (Re)construction. Introduction // Social Semiotics. Vol. 29, № 3. P. 279–285. DOI: 10.1080/10350330.2019.1587841.
- Hu Pi-Chan, 2018. An Investigation of Interruption in Courtroom Discourse // International Journal of Legal Discourse. Vol. 3. P. 213–234. DOI: 10.1515/ijld-2018-2009.

- Kurzon, D., 1994. Linguistics and Legal Discourse: An Introduction // *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 7, № 1. P. 5–12.
- Litvishko O., Miletova E., 2018. Structural Peculiarities of Terminological System of International Law (Based on ILO Conventions) // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. Vol. LVIII – SCTCMG. P. 2324–2335. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.02.268.
- Mattila H., 2013. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. [S. l.] : Ashgate Publishing. 512 p.
- Mey J. L., 2017. Discourse, Interests, and the Law: Some Pragma-Legal Reflections // *International Journal of Legal Discourse*. Vol. 2, № 1. P. 13–27. DOI: 10.1515/ijld-2017-0004.
- Morawski L., 1999. Law, Fact and Legal Language // *Law and Philosophy*. № 18 (5). P. 461–473.
- Tans O., 2018. Knowledge Construction in Legal Reasoning: A Three Stage Model of Law’s Evolution in Practical Discourse // *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 31, № 1. P. 1–19. DOI: 10.1007/s11196-017-9516-y.
- Tiersma P. M., 1999. *Legal Language*. Chicago : University of Chicago Press. 328 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction. URL: <https://www.opcw.org/chemical-weapons-convention> (date of access: 01.07.2019).
- International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism. URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/english-18-15.pdf> (date of access: 01.07.2019).
- The International Drug Control Conventions. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/Int_Drug_Control_Conventions/Ebook/The_International_Drug_Control_Conventions_E.pdf (date of access: 01.07.2019).
- UN Convention Against Corruption. URL: https://www.unodc.org/documents/brussels/UN_Convention_Against_Corruption.pdf (date of access: 01.07.2019).
- United Nations Convention Against Transnational Organized Crime. URL: https://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/organised-crime/UNITED_NATIONS_CONVENTION_AGAINST_TRANSNATIONAL_ORGANIZED_CRIME_AND_THE_PROTOCOLS_THERE_TO.pdf (date of access: 01.07.2019).

REFERENCES

- Abisheva N.M., Nikitina S.A., 2004. Obshhie osobennosti juridicheskogo diskursa [General features of legal discourse]. *Problemy i perspektivy* [Problems and prospects]. Moscow, Nauka Publ. 288 p.
- Gubaeva T.V., 2015. *Jazyk i pravo. Iskusstvo vladenija slovom v professional’noj juridicheskoy dejatel’nosti* [Language and law. The art of mastering the word in professional legal activity]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ. 176 p.
- Karasik V.I., 2002. *Jazykovoj krug: lichnost’, koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Kerimov D.A., 2003. *Metodologija prava. Predmet, funkcii, problemy filosofii prava* [Methodology of law. Subject, functions, problems of legal philosophy]. Moscow, SGA Publ. 521 p.
- Kozhemjakin E.A., 2011. Juridicheskij diskurs kak kul’turnyj fenomen: struktura i smysloobrazovanie [Legal Discourse as a Cultural Phenomenon: Structure and Meaning]. *Jurislingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Legal Studies-11: Law as Discourse, Text and Word]. Kemerovo, pp. 131–144.
- Kolesnikova L.V., 2007. *Juridicheskij diskurs kak rezul’tat kategorizacii i konceptualizacii dejstvitel’nosti: na materiale predmetno-terminologicheskoy oblasti «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo»: dis. ... kand. filol. nauk* [Legal discourse as a result of categorization and conceptualization of reality: on the material of the subject-terminological field “private International law». Cand. philol. sci. diss.]. Stavropol’. 166 p.
- Kosonogova O.V., 2008. Juridicheskij diskurs: lingvopragmatika imeni sobstvennogo [Legal discourse: linguopragmatics of the proper name]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. Problemy filologii, kul’turologii i iskusstvovedenija* [Knowledge. Understanding. Skill. Problems of philology, cultural studies and art history], no. 3, pp. 188-192.
- Kosonogova O. V., 2015. Harakteristiki juridicheskogo diskursa: granicy, sodержanie, parametry [Characteristics of legal discourse: boundaries, content, parameters]. *Istoricheskaja i social’no-obrazovatel’naja mysl’* [Historical and socio-educational thought], vol. 7, no 1, pp. 61–65.
- Krapivkina O.A., 2012. Oppozicija «institucional’noe vs. personal’noe» v juridicheskom diskurse [Opposition “institutional vs. personal” in legal discourse]. *Sovremennaja nauka: aktual’nye voprosy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki* [Modern science: current

- issues of theory and practice. Humanitarian sciences], no. 3, pp. 71–74.
- Palashevskaja I.V., 2012. *Sudbnyj diskurs: funkcii, struktura, narrativnost'* [Judicial discourse: functions, structure, narrativity]. Volgograd, Paradigma Publ. 346 p.
- Palashevskaja I.V., 2017. *Juridicheskie definicii: funkcional'nye i tipologicheskie harakteristiki* [Legal definitions: functional and typological characteristics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], no 3, pp. 131-141. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.13.
- Popova L.E., 2005. *Juridicheskij diskurs kak ob'ekt interpretacij: semanticheskij i pragmaticheskij aspekt: diss. ... kand. filol. nauk* [Legal discourse as an object of interpretation: semantic and pragmatic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar. 166 p.
- Hart G.L.A., 2017. *Filosofija i jazyk prava* [Philosophy and language of law]. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitacija» Publ. 384 p.
- Cherdancev A.F., 2012. *Logiko-jazykovye fenomeny v jurisprudencii* [Logical-linguistic phenomena in the law]. Moscow, NORMA, INFRA-M Publ. 320 p.
- Shirjaeva T.A., 2010. Sovremennoe sostojanie i osobennosti osmyslenija ponjatija «diskurs» v gumanitarnoj paradigme [The current state and features of understanding the concept of “discourse” in the humanitarian paradigm]. *Jazyk. Tekst. Diskurs: nauchnyj al'manah Stavropol'skogo otdelenija RALK* [Language. Text. Discourse: scientific almanac of Stavropol branch of RAS]. Pod red. G.N. Manaenko. Stavropol', SGPI Publ., no. 8, pp. 129-140.
- Cheng L., Danesi M., 2019. Exploring legal discourse: a sociosemiotic (re)construction. Introduction. *Social semiotics*, vol. 29, no. 3, pp. 279-285. DOI: 10.1080/10350330.2019.1587841.
- Hu Pi-Chan, 2018. An investigation of interruption in courtroom discourse. *International journal of legal discourse*, vol. 3, pp. 213-234; DOI: 10.1515/ijld-2018-2009.
- Kurzon, D., 1994. Linguistics and legal discourse: An introduction. *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 7, no.1, pp. 5-12.
- Litvishko O., Miletova E., 2018. Structural peculiarities of terminological system of international law (based on ILO conventions). *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, vol. LVIII – SCTCMG, pp. 2324-2335. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.02.268.
- Mattila H., 2013. Comparative legal linguistics: language of law, Latin and modern lingua Francas, Ashgate Publishing, 512 p.
- Mey Jacob L., 2017. Discourse, interests, and the law: Some pragma-legal reflections. *International journal of legal discourse*, vol. 2, no. 1, pp. 13-27. DOI: 10.1515/ijld-2017-0004.
- Morawski L., 1999. Law, Fact and Legal Language. *Law and Philosophy*, no.18 (5), pp. 461-473.
- Tans O., 2018. Knowledge Construction in Legal Reasoning: A Three Stage Model of Law's Evolution in Practical Discourse. *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 31, no. 1, pp. 1-19. DOI: 10.1007/s11196-017-9516-y.
- Tiersma P.M., 1999. *Legal Language*. Chicago, University of Chicago Press Publ. 328 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction. URL: <https://www.opcw.org/chemical-weapons-convention> (accessed July 1, 2019).
- International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism. URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/english-18-15.pdf> (accessed July 1, 2019).
- The International Drug Control Conventions. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/Int_Drug_Control_Conventions/Ebook/The_International_Drug_Control_Conventions_E.pdf (accessed July 1, 2019).
- UN Convention against Corruption. URL: https://www.unodc.org/documents/brussels/UN_Convention_Against_Corruption.pdf (accessed July 1, 2019).
- United Nations Convention against Transnational Organized Crime. URL: https://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/organised-crime/UNITED_NATIONS_CONVENTION_AGAINST_TRANSNATIONAL_ORGANIZED_CRIME_AND_THE_PROTOCOLS_THERETO.pdf (accessed July 1, 2019).

Information About the Authors

Milana E. Mosesova, Postgraduate Student, Department of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, milanamosesova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7441-7034>

Tatyana A. Shiryayeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, shiryayevat@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>

Информация об авторах

Милана Эдуардовна Мосесова, аспирант кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, milanamosesova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7441-7034>

Татьяна Александровна Ширяева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, shiryayevat@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>